

— Дедушка, почему сегодня такая удача? — Госпожа Тун, наклонившись, рассматривала улов в ведре, улыбаясь так широко, что глаза превратились в щелочки.

Чжун Цинжань, опасаясь, что его могут толкнуть, стоял в стороне и наблюдал за происходящим. Дедушка Чжун заметил его и невзначай произнес:

— Наш третий внук приносит удачу. Ты посмотри, только сегодня сняли доски с загона, а рыба сама плывет в руки.

Хотя это было сказано без особого умысла, сам он поверил в свои слова, а слушатели отреагировали по-разному. У некоторых даже радость на лицах поубавилась.

Чжун Цинжань лишь с сожалением покачал головой. Лед толщиной в три фута не замерзает за один день. У него не было желания брать на себя роль того, кто его растопит. Главное — сохранять внешнее спокойствие.

— Ладно, рыбу уберем в кадку. Старший, второй, завтра вы поедете на лодке в уездный рынок продавать рыбу. Заодно захватите немного риса для младшего. Сегодня ложитесь пораньше.

— Слушаюсь, отец.

Чжун Цинжань очень хотел повидать древний уезд, но, взглянув на свою левую ногу, которая всё еще не могла выдерживать нагрузку, проявил благоразумие и промолчал.

Дни выздоровления были скучными. Чжун Цинжань нашел несколько книг — их было совсем мало — и начал перелистывать. К счастью, они были написаны традиционными иероглифами, и он смог разобраться в большинстве, хоть и с трудом.

Кроме того, единственной находкой стали канцелярские принадлежности. Они были не лучшего качества, но для ребенка, который учился всего три года, этого было достаточно. Кистью он пользоваться не привык, а рисовать иллюстрации и вовсе не решался. Чтобы скоротать время, он попросил четвертую сестру и пятого брата сделать ему угольный карандаш, обернув его тканью. Получился простейший инструмент с толстым кончиком, но это было лучшее, что они смогли сделать.

— Третий брат, что ты делаешь? — спросил Чжун Цинхань, недоумеая.

— Рисую. Хочешь, нарисую тебе картину с рыбой?

— Третий брат, ты умеешь рисовать? — Чжун Цин и Чжун Цинхань удивленно уставились на него.

— Просто от скуки рисую что попало. Если получится плохо, не судите строго.

— Третий брат, мы с младшим братом не станем так поступать. Если рисунок окажется уродливым, я просто спрячу его.

Слова Чжун Цин звучали уверенно, но если бы она не добавила последнюю фразу, Чжун Цинжаню было бы приятнее.

Угольный карандаш был жестким, и единственным цветом был черный. К счастью, дома была бумага для переплета книг. Если бы это была сырая рисовая бумага, он бы вообще ничего не смог сделать. Стоило чуть сильнее надавить, и бумага рвалась. Это было настолько плачевно,

что он едва сдерживал смех.

Рисуя по настроению, Чжун Цинжань не особенно старался. Он изобразил Чжун Цинханя немного полнее, и картина «Мальчик с рыбой» ожила на бумаге, выглядела вполне достойно.

Закончив, он отложил карандаш, взял рисунок и, рассматривая его, начал смеяться.

— Третий брат, что случилось? Рисунок хороший, он похож на меня, — сказал Чжун Цинхань, видевший только боковой профиль и желавший взглянуть на рисунок целиком.

Чжун Цинжань ничего не сказал, просто передал рисунок младшему брату, чтобы тот сам все понял.

Чжун Цин слезла со стула, подошла к Чжун Цинханю, и они, прижавшись головами друг к другу, внимательно изучали рисунок, но так и не поняли, что смешного в нем.

— Ничего, давайте я научу вас писать, — сказал Чжун Цинжань, вспоминая изображение полного младшего брата и сравнивая его с настоящим, худым ребенком. Ему стало не по себе, и он решил сменить тему, терпеливо обучая их написанию своих имен.

Имена младших братьев и сестры содержали много черт, но, к счастью, Чжун Цинжань подготовился заранее. Если бы он только смотрел, то еще мог бы справиться, но писать ему было бы сложно. Написав пять иероглифов, он попросил их найти ветки и тренироваться под деревом, а сам сел рядом, чтобы наблюдать.

В последующие дни Чжун Цинжань время от времени учил их новым иероглифам, иногда к ним присоединялась Чжун Сяо. Сначала они выучили свои имена, затем цифры. Это было полезно, ведь так они могли хотя бы считать деньги.

Когда Чжун Цинжань уже начал скучать, его нога наконец зажила. Бросив костыли, он чуть не прыгнул от радости, как ребенок.

В тот же день он взял младшего брата и двоюродных брата и сестру из семьи четвертого дяди и обошел всю деревню Хэвань. По пути они здоровались с пожилыми, а с теми, чей возраст было трудно определить, Чжун Цинжань просто избегал точных формулировок, чтобы не попасть в неловкую ситуацию.

Деревня Хэвань была очень большой для одного поселения, с населением не менее нескольких тысяч человек. Улица в центре деревни была довольно оживленной, с множеством покупателей.

У маленькой пристани была открытая чайная, предлагающая напитки и закуски для проходящих судов. Хотя остановок было немного, этого хватало, чтобы прокормить маленькую лавку. Кроме того, местные жители тоже иногда заходили сюда, так что дела шли неплохо.

В своем возрасте Чжун Цинжань не мог похвастаться большим количеством друзей. Бедные были заняты выживанием, а более обеспеченные чаще всего учились. В таком возрасте мало кто мог позволить себе просто бродить без дела. Большую часть времени он проводил с двумя друзьями или гулял с младшими братьями и сестрами, которые были не против его компании. Он исходил всю деревню вдоль и поперек.

Во время болезни его навещало несколько друзей, но только двое приходили к нему домой и болтали с ним. Один из них, Чжун Циншу, был на год старше. Он принадлежал к старшей

ветви семьи, и его мать, вторая жена, умерла, после чего его отправили в родовое поместье, откуда он больше не возвращался в Шанцзин.

Другой, Чжун Цинчжу, был на два года старше Чжун Цинжаня и происходил из младшей ветви. Его тоже не баловали родители, и большинство членов семьи уехали с дядей, оставив его в родовом поместье.

Трое случайно оказались одного поколения, все были законными наследниками, примерно одного возраста, и никто из них не получал должного воспитания. Они прекрасно ладили друг с другом, но если бы не обстоятельства, они бы никогда не сошлись.

Чжун Циншу был самым обеспеченным из троих. Его семья была самой успешной из пяти ветвей, и хотя его мать оставила ему немного денег, которые хранились в Шанцзине, этого хватало для жизни в деревне.

Чжун Цинчжу был в менее выгодном положении. Его семья отделилась от старшей ветви два поколения назад, и хотя его дядя сделал карьеру, он получил не так много преимуществ.

Чжун Цинжань был самым младшим и бедным из троих, но его положение было лучшим.

С годами деньги Чжун Циншу почти закончились, и теперь, когда он стал старше, их осталось совсем немного.

Чжун Цинчжу получал один лян серебра в месяц, что по меркам деревни было немало, но он тратил их на развлечения.

Если бы не влияние Чжун Цинжаня, они могли бы стать настоящими хулиганами. Хотя они не воровали и не совершали серьезных преступлений, они часто издевались над младшими детьми.

<http://bllate.org/book/16837/1548039>